

часть первая
обреченные
на разлуку

1

Пришло время открыть тайну, она давно не дает мне покоя.

Я перечитываю свои мемуары, и они склоняют меня к признаниям — меня, Ноама, который столь многое скрыл. Я заполняю страницу за страницей, кортежи слов наступают на меня, призывая излагать факты. Голые факты.

Моя тайна, хранившаяся тысячелетия, скрывает разрушительную силу, пострашнее мощнейших атомных бомб. В прежние времена ее разглашение могло разрушить целый мир, его города, храмы и пирамиды. Я молчал — и вводил в заблуждение миллионы людей, рабов и фараонов, богачей и нищих, селян и горожан, священнослужителей и писцов. Всех их я обманывал, но никто не заподозрил моего мошенничества. Еще не зная, что эти цивилизации обречены на гибель, я боялся, что мои слова повредят той из них, которая развивалась на берегах Нила.

Сегодня мои признания не в силах изменить судьбу египетского общества, погребенного под вековыми песками. Игра окончена.

Настало время открыться.

Египетская тайна толкает меня под руку, щекочет пальцы, торопит взять стило. Слова уже просятся на бумагу.

Мой секрет, секрет Осириса и Исида...

Интермеццо

Ноам выронил стило, отодвинулся от письменного стола и тяжело вздохнул.

Взглянул на тетрадь и болезненно поморщился. Чертово сочинительство! Эти чары овладевают им и уносят к излипаниям, от которых он всегда уклонялся. Он вскочил, покружил по комнате, выровнял дыхание.

Все три окна номера в отеле «Стрэнд», расположенном в центре Стокгольма, выходили на порт. Нет, ну разве Балтика — это море? Приехав сюда, он тотчас понял, что оно совсем не пахнет, потому что почти не-соленое, в нем нет ни волн, ни бесконечности. Больше похоже на озеро. Его гладкая пепельно-серая поверхность напоминает асфальт, а домишки, мостки и лодки на первом плане делают его еще незначительней. И только вдали Балтика ненадолго становится морем — там, где паромы оставляют размеченный фарватер и ныряют за горизонт.

Ноам улыбнулся. Есть домашние животные, а есть одомашненные моря. Мягкая и послушная Балтика тянется к людям. Приближается к ним робко, ложится к ногам, пластается под мостами, лижет камень набережных, льнет к улицам, проникает лишь туда, куда ей

дозволено. Она смиренно допускает дома смотреться в свои воды, и те отражают краски фасадов — зелень липы, лимон, гранат, шафран, — а ночью вбирает в свои складки золотой свет фонарей. Балтика благодарна за то, что ее приручили, и подставляет свою спину путешественникам, которые на речных трамвайчиках курсируют по городу или добираются до ближних островов, а то отправляются на пароме в Норвегию.

Мирное море для спокойного народа. Ноаму, пораженному здешней безмятежностью, учтивостью и порядком, шведы казались прирученными двуногими существами. Этот закуток космоса был пропитан оцепенением, и Ноам наблюдал за стеклом неторопливое движение его обитателей.

«Бойся спящей воды». Он вспомнил вчерашние слова Нуры: «Это море не всегда спокойно. В хладнокровии здешних людей таятся бури и пороки. Здесь и стреляют, и убивают. Подчас бунтуют, как и повсюду. И нет нужды тебя в этом убеждать, ведь ты видел Бритту».

Ноам почесал в затылке. Нура права: ее дочь внушает уважение. Ему. Швеции. Всеми миру.

За несколько месяцев пятнадцатилетняя Бритта Торенсен стала мировой знаменитостью. Почему? Она услышала то, чему рассеянно внимали другие, и сделала выводы. Что же она услышала? То, о чем твердили ученые: деятельность людей на Земле ведет к катастрофе, их промышленность пачкает все вокруг, их образ жизни истощает ресурсы ископаемого топлива, выбросы углекислого газа нагревают атмосферу, движение товаров и людей усиливает парниковый эффект, а строительство городов и предприятий, уничто-

жение лесов и степей под предлогом их освоения сокращает жизненное пространство диких животных и растений. Этот факт признают все — кроме тех, кто отрицает очевидное. Но воз и ныне там: стоит появиться новым данным, их тотчас задвигают в дальний угол сознания, в глубокий карман, и это никак не меняет повседневной жизни, знание совершенно не сказывается на поведении людей. У Бритты же голова устроена совсем иначе, осмысленное разумом она приняла близко к сердцу и невольно перешла к активным действиям. Она протестовала у стен парламента, инициировала забастовку учащихся своей школы. «Что толку в учебе, если мы скоро сдохнем? Зачем слушать учителей, если они не понимают собственных слов?» Благодаря медиа — сначала местным, затем международным — возмущение Бритты разлетелось по миру и не могло остаться незамеченным. В противовес возмутительной инертности общества девочка-подросток обратила экологическую проблему в конфликт поколений: «Вы, взрослые, своей целью считаете потребление. Вы, взрослые, поганите наше детство, юность и годы, которые нам предстоит прожить после вас. Вы, взрослые, не проявили ни зрелости, ни ответственности. Вы оказались вовсе не взрослыми».

Трудно объяснить, отчего Бритта — сама, без чьей-либо помощи — стала символом. И под ее влиянием ее ровесники на всех континентах начали протестовать, а она улавливала и направляла их бунтарские настроения. Подростки сплотились вокруг нее, разоблачая лицемерие старшего поколения, осевшего и осевшего: «Вы мухлюете, чтобы выиграть, вам интересна только выгода. Чего вы добиваетесь? Во имя денег вы разоряете природу, разрушаете будущее. Нет, это не

выигрыш, а потеря! Опомнитесь. Время не ждет. Помогите нам спасти то, что еще можно спасти».

Суровая, но исполненная надежды, Бритта расколола мир пополам: одни ее обожают, другие ненавидят. Третьего не дано. Острым скальпелем рассекла она общество на противников и сторонников. Она пробуждает и ненависть, и любовь — но ее не волнует ни то, ни другое. Одинокая и сосредоточенная, она, не стремясь кому-то нравиться, решительно вступает в противоборство, с твердостью, свойственной лишь великим мистикам. Бритта Торенсен блистательна, это мощь исключительной личности. В ней пульсирует могучий гнев, от которого ее взор твердеет, лоб напрягается, указательный палец грозно взлетает вверх, речь воспламеняется, а ведь этот неослабный гнев живет в хрупком теле девочки-подростка. Когда она обращается к толпе, делается страшно, что эта сила может ее разрушить.

Ноам взглянул на часы: девочка обратится к зрителям через несколько минут. Он устроился на диване. Все вокруг него — стены, шторы, кресла, ковер — выдержано в приглушенных тонах, будто облака даже тут, в шведских домах, по-прежнему рассеивают свет. Он направил пульт на телевизор, и в ту же секунду в дверь постучали.

— Это я!

Ноам вздрогнул. Как часто возглас «Это я!» бывает смешон, ведь «я» — имя всех, а значит, никого. Но только что прозвеневший голос сомнений не вызывал: это Нура. Откуда он знал? Конечно, это ее голос, звучный, музыкальный; ее внятная, точная дикция; и главное, ее целеустремленность. В этом возгласе звучит и власть женщины, которая никогда не подчинится чужому диктату, и незамутненная свежесть той, что всегда

оставалась собой, невзирая на обстоятельства, условности и веяния.

Как я люблю ее! — подумал Ноам. Как я ни пытался ее оттолкнуть — одному Богу известно, сколько раз! — ничего у меня не вышло.

Ноам открыл дверь. Нура без тени улыбки метнула взгляд своих зеленых глаз:

— Послушаем выступление Бритты вместе?

И, не дожидаясь ответа, она угнездилась среди диванных подушек и завладела пультом. На экране мельтешила реклама.

Ноам заворожено смотрел на Нуру. Она вошла в его жизнь восемь тысяч лет назад. И как она до сих пор ему не наскучила? Почему, стоит ей появиться, его сердце начинает учащенно биться? Какое чудо противостоит оскудению любви, порождаемому привычкой? Нура и есть это чудо: с ней каждый раз все будто впервые. Ее присутствие так ослепительно, что отбрасывает прошлые встречи в тень. Нура живет только настоящим. И обороняется от ностальгии надежным щитом.

О чем она думает? Она занята нынешними делами, ее заботят грозящие им опасности и выступление Бритты; ее внимание ничуть не отвлекают картины прошлого. А в сознание Ноама то и дело проскальзывают воспоминания: появление Нуры в озерной деревне его детства; ее первая фраза «Не смотри на меня так, не то я забеременею»; сковавшая их невозможность объявить о своей любви; их объятия, испытания и разлуки; встречи, которые вначале окатывали их недоверием, затем приносили забвение; целительные расставания, ревность и отчаяние; и опять непременно встреча...

Ноам встряхнулся, заметив, что заплутал в дебрях воспоминаний, и постарался сосредоточиться на неотложных проблемах. В подвалах ливанского Ковчега, убежища сурвивалистов, он обнаружил тайный арсенал, в котором группа преступной сети готовила теракт планетарного масштаба. По мнению этих боевиков, Земля становится непригодной для жизни, человечество обречено на катастрофу, в которой виновато оно само. Поразмыслив, они пришли к чудовищному выводу: им следует физически и материально подготовиться к концу света, чтобы войти в постисторию, и этот момент стоит поторопить. Операция «Рыцари апокалипсиса» вот-вот начнется: по распоряжению лидера ячейка Захарии должна взорвать пять атомных станций в Соединенных Штатах, а другие команды подхватят акцию в Европе, в России, в Китае, на Ближнем Востоке.

Ноам стащил у ливанской группировки компьютер. Его данные были переданы в Швецию, где гениальный хакер, лучший разоблачитель противозаконной деятельности, сотрудничал с Бриттой Торенсен. Коды взломаны, участники заговора выявлены. Бритта, ее соратники и Ноам, посоветовавшись, решили предать гласности неотвратимую угрозу. Время на исходе...

— Сколько часов остается, чтобы предотвратить атаку на атомные станции? — осведомился Ноам.

Нура внезапно расслабилась и, вздохнув, ответила:

— На самом деле охота на террористов уже началась.

— Но ведь Бритта еще не ввела политиков в курс дела...

— Дело в том, что во время неофициальных встреч ей удалось убедить их, и облава уже началась. А сейчас мы увидим что-то вроде инсценировки: Бритта делает вид, что предупреждает людей о возникшей угрозе, а правительства сделают вид, что осознали проблеме.

— Что? Неужели Бритта согласилась на этот маскарад?

— Мы не теряли времени даром. Как только Бритта заговорит, террористы все поймут. Поэтому их следовало блокировать заранее. Что полиция этих стран уже и... А, вот она!

На экране возникла Бритта — губы сжаты, брови насулены, глаза горят огнем. Короткая выразительная пауза.

— У нас идет война. Кто наш враг? Не какая-то нация, как прежде. Противник — мы сами, высокомерное и беспечное человечество.

Пока Бритта произносила обвинительную речь, взгляд Ноама скользнул с экрана на Нуру. Они похожи?

Скорее, это не мать с дочерью, а сестры. Ведь Нура навсегда осталась двадцатипятилетней, а Бритта уже распрощалась с детством, хотя ее щеки, шея и тонкие пушистые волосы еще не поспевают за взрослением. У обеих чистый овал лица и гладкая кожа, маленький, четко очерченный нос, атласные брови. Но подбородок, скулы, радужка глаз, абрис висков и цвет кожи совсем разные. Мать и дочь роднит скорее совершенство лица, чем конкретные черты.

И вот еще: дочь переняла от матери уверенность в себе. Подобно Нуру, Бритта умеет заставить слушать

себя. Даже когда она умолкает, ее молчание продолжает говорить; сначала оно означает «Я владею собой», затем «Мои суждения независимы», а еще «Вы — пустое место». Ее молчание не менее выразительно, чем слова.

Однако Ноаму пришлось сделать усилие, чтобы отвести глаза от Нуры и прислушаться к девочке.

— У нас идет война. И некоторые ею пользуются. Сурвивалисты-радикалы намерены приблизить конец света и ввергнуть человечество в хаос. Из надежных источников я узнала о существовании террористической сети, планирующей совершить ряд терактов. Эти фанатики одержимы идеей совершить диверсии на нескольких атомных станциях, гидроэлектростанциях, а также серверах хранения данных. И сейчас не время рассуждать о том, разумно ли получать энергию из ядерного топлива, не время задаваться вопросом о безумном расходе энергии, к которому нас ведет развитие информационных технологий, — нет, сегодня важно лишь одно: предотвратить теракты и остановить фанатиков. Немедленно! Моя команда передаст все полученные нами сведения в распоряжение властей. Я надеюсь, что на сей раз политики верно оценят степень угрозы. В противном случае завтра они неизбежно лишатся своих постов.

Бритта качнулась было назад, в этом движении мелькнуло все ее презрение к властям, но вовремя остановилась: ей шепнули, что еще пара слов, сказанных от души, послужат делу.

Тотчас слетелись микрофоны, нацелились ей в грудь, поплыли над ее головой, наперебой зазвучали вопросы. Каждый журналист норовил обойти остальных. Запросы сталкивались, гвалт стоял оглушительный.

Бритта отступила, суровая и замкнутая. Выросли трое телохранителей и выставили мускулистый барьер, давая понять, что встреча окончена.

— Отлично! — прошептала Нура.

Она пробежалась по иностранным телеканалам, дабы убедиться, что комментаторы заглотили послание и уже вовсю его препарируют.

— Операция удалась! — заключила она. — Как насчет аперитива?

Она направилась к бару, схватила бутылочку «Лавгулина».

— Глоток виски не слишком соответствует масштабу события, это очевидно, но лучшего тут не нашлось.

Она уселась рядом с Ноамом, его окутало душистое облако и пробудило нежные воспоминания. Они чокнулись.

Ноам удержал глоток алкоголя во рту, чтобы густая жидкость обволокла нёбо, и до ожога просмаковал ее пряный торфянистый вкус. Под действием этого изысканного букета он представил, что рот Нуры подвергся тому же ароматному вторжению. Ему захотелось ее поцеловать.

Краем глаза он отметил, что она вряд ли откликнется: вперившись в экран, она осмысливала реакцию журналистов, собравшихся в какой-то американской студии.

Ноаму никак не удавалось расслабиться. События последних дней не отпускали. Он испытывал облегчение, которому не сопутствовала радость, — облегчение канатоходца, оторопело вззирающего на бездну, куда он едва не угодил, передышка, которая не уменьшает страха, а усиливает его.

*

Еще несколько секунд... И они узнают, удалось ли вооруженным формированиям задержать террористов.

Время растягивалось, в минуте уже не шестьдесят секунд, а все сто двадцать, сто двадцать игл, медленно вонзающихся в кожу.

Нура, Бритта, Ноам и Свен, устроившись за круглым столиком «Café Orega», пытались сохранять оптимизм. Мать с дочерью намеренно выбрали знакомое заведение — деревянные панели и ощущение уюта, — им как-то довелось поужинать здесь перед спектаклем. Как всегда, изобильный декор притягивал внимание: здесь не было ни сантиметра, избежавшего отделки, от деревянных панелей рыжего ореха, гипсовой лепнины по стенам и потолочных росписей, открывающих взору сельский пейзаж, до купола, составленного из цветных витражей с цветочными мотивами. Прибытие блюд с неизменной селедкой, треской, картошкой и сырными пирожками сопровождается балетом официантов в белых жилетках и метрдотеля во фраке. В этой роскошной вселенной звучат и Пёрселл, и Гендель, и Моцарт, хотя оформление выдержано скорее в стиле ар-нуво. Как всегда, спускаются чары и окутывают посетителей ровным теплом. Но на их четверку обстановка сегодня не действует... Ресторан шелестит милым бормотанием, а за их столиком царит гробовая тишина.

Они знают. Все может пошатнуться. Чтобы не слишком пугать людей, власти обманули население, преуменьшив опасность. Но в этот самый миг решается судьба планеты. Прикрыв глаза, Бритта разглядывает

ваит шнурки у себя на запястье; Нура изучает роспись плафона; ее муж Свен поглаживает бороду.

Они ждут. Поначалу они перебирали возможные темы беседы; но темы быстро иссякали, и эти четверо больше не пытались чем-то скрасить нетерпеливое ожидание.

Ноам думает о разном. С одной стороны, в унисон тревогам сотрапезников, его мысли то и дело обращаются к взрывоопасной ситуации: успеют ли обезвредить фанатиков? С другой — рядом с этой молчаливой троицей ему не дает покоя вопрос: кто такой Свен? Почему Нура любит его? Как он ухитрился сделать ей ребенка?

Ноам лихорадочно ломает над этим голову, ведь он знает, что Нура скрывает и их возраст, и их страсть протяженностью в восемь тысяч лет. Нура не проговорится никогда. Да Свен и не поверит в такое. В представлении этого шведа Ноам, прилетевший из Бейрута или Дубая, чтобы доставить эксклюзивную информацию, просто боевой товарищ, и не более.

Ему невыносимо все, что он замечает в Свене. Хотя черты этого высокого тридцатилетнего парня нежны и аскетичны, Ноама раздражает его взъерошенный вид: русая грива с редкими седыми волосками, всклокоченная борода, закрывающая шею, мятая рубашка, потертые джинсы и теплые ботинки. Под этими неряшливыми одежками лесоруба нельзя разглядеть его телосложения. Однако руки у него не слишком мускулистые, на них проступают заметные вены. Что же, он стройный и в хорошей форме? Или просто жалкий тощий мозгляк? На кого польстилась Нура? Он рохля или псих? Не важно, ведь эта кокетка способна увлечься

и огородным пугалом! Почему бы нет, ведь только что какая-то дамочка продефилировала рядом с их столиком, источая аромат пачули, и Свен объявил, что парфюмерия его ужасает, он разразился гневной речью, мол, «наша эпоха заставляет людей слишком много надраиваться, душ дважды в день травмирует кожу, избыток мыла ее сушит, лишая защитного слоя». Для него естественность — это экологический идеал: человек как он есть, человек доиндустриальной эпохи, как в давние времена. Какая глупость! — думает Ноам. В эпоху неолита, когда он был ребенком, мужчины и мылись, и причесывались, и — правда, слегка — подрезали волосы, и даже брились. Забота о гигиене и внешнем виде волновала их не меньше, чем нынешних людей. Такое мнимое возвращение к истокам — просто-напросто идиотский закидон! Нуре это прекрасно известно. Ноам гадает, чем пахнет Свен и как Нура его терпит? Можно представить, как воняют его подмышки... И что она в нем находит?

— Ведь нас должны оповестить? — шепчет Нура, в сотый раз заглядывая в телефон.

— Не обязательно, — отвечает Свен. — Пусть лучше работают, не отвлекаясь на сообщения нам.

— Да как же, — всхлипывает Нура, — ведь террористы знают, что мы знаем.

— Чепуха! — фыркает Бритта.

Все разом поворачиваются к ней, и она поясняет:

— Эти типы будут землю носом рыть, потому что рискуют потерять все. Они будут тянуть резину, пока не почувют опасность. Но на краю бездны они зашевелиятся.

— Глупо недооценивать их некомпетентность, — возражает Нура.